

От главного редактора

Протекающие в мире на протяжении нескольких последних десятилетий социокультурные изменения ставят на повестку дня научного сообщества рассмотрение, анализ и оценку широкого спектра разнонаправленных процессов, разворачивающихся в духовной сфере жизни существующих ныне обществ. К важнейшим из них относятся те, что составляют область религии или же в значительной степени с нею связаны.

Всякое ступившее в эпоху постмодерна общество, переживая в силу воспринятой из модерна инерции рационализацию, секуляризацию и десакрализацию, в той или иной мере достигает в этих процессах пределов, на которых начинается их трансформация в им противоположные или же их замещение, обращение вспять таковыми как проявлениями вызванной ими реакции. Примером тому может служить набирающее силу взаимовлияние научного и вненаучного знания. В связи с этим первое из них обнаруживает свойства, унаследованные в ходе своего генезиса от магии, мифологии и религии, а также соответствующие этим последним цели – например, объективно доказать существование той реальности, которая традиционно определяется как сверхъестественная. С другой стороны, у различных форм вненаучного знания всё шире выявляются черты рациональности, которые, в то же время, наиболее систематично и убедительно интегрируются в новейшие сциентистские культы.

Усиливавшееся до конца XX в. Преобладание светского над религиозным столкнулось с масштабным противодействием в форме десекюляризации, обусловленной возрастанием сложности и кризисного характера общественной жизни, подталкивающим к поиску источников стабильности, психологической устойчивости и проверенных временем ценностных ориентаций. Это детерминирует возникновение множества движений за возрождение тради-

ционных форм религиозности. Однако в силу того, что традиция за время господства секулярности в большинстве случаев претерпела необратимые качественные изменения, корни религии оказались подточены, десекюляризация зачастую влечёт за собой не её восстановление в изначальном виде, а замещение неким дублем или симулякром.

В репрессивных по отношению к ней условиях секулярного общества религия обретает отчётливо эсхатологический характер, и в процессе десекюляризации начинает развёртывать своё участие в социокультурных процессах именно в таком, акцентуированном на эсхатологию, состоянии. Это во многом предопределяет её тяготение к фундаментализму и политическому радикализму. При этом радикальные фундаменталистские религиозно-политические проекты нередко обнаруживают симулятивный характер. К примеру, торжество исламистских движений в ряде стран привело, в конечном счёте, не к возрождению таковых на традиционной основе, но к их ослаблению и росту влияния в них внешних сил, далёких от ценностей ислама. Факты причастности западных элит к формированию и деятельности ряда исламистских структур, а также к образованию непризнанного исламистского государства ИГИЛ, обусловили предположения некоторых экспертов о том, что одна из целей этого последнего – компрометировать не только ислам, но и традиционные ценности вообще.

Однако едва ли будет справедливым видеть в постсекулярном мире постмодерна исключительно проявления тенденции к симуляции традиционного в сфере религиозной жизни. Преодолевая свойственный модерну с его фундаментальным индустриальной экономикой и механистической в своих основаниях наукой тоталитарный императив, постмодерн обеспечивает широкий круг возможностей для возрождения религиозных традиций как в упрощённой

и адаптированной к реалиям массового информационного общества, так и в максимально аутентичной форме. Этому благоприятствует и то обстоятельство, что он в какой-то мере снимает парадигматически заданную для ряда предшествующих столетий антиномию традиционного и современного. Последнее, оставаясь таковым в смысле принадлежности к настоящему времени, к текущей стадии общественного развития, трансформируется в постсовременное с точки зрения ориентирующей его парадигмы, и в этом качестве уже не подразумевает кардинальное отрицание традиционного. В данном контексте характерен принятый в России закон, устанавливающий, что Библия, Коран, Танах и Ганджур, их содержание и цитаты из них не могут быть признаны экстремистскими материалами. Однако такое решение может быть обусловлено исключительно спецификой локального варианта постсовременности, в иных случаях выступающей как ультрасовременность, наиболее радикально отвергающая духовно-исторические основания некоторых обществ.

В целом же, плюральность культуры постмодерна обеспечивает широкий спектр возможностей религиозной жизни в рамках традиционных конфессий, не только ориентируясь на мнение прогрессивной общественности, что предполагала эпоха модерна, не обязательно следуя буквально и скупулёзно

всем данным некогда образцам, чего требовал премодерн, но и органично продолжая живую традицию из того состояния, в котором она имеет место быть «здесь и сейчас».

Под влиянием секулярных процессов священное, перестав быть таковым для масс в традиционно институализированных формах, стало исподволь пропитывать собой ткань повседневности. Чудесное, волшебное, чарующее, магическое, культовое, абсолютное и другие понятия, имеющие отношение к сакральному, наряду с именами и образами мифологических персонажей заполнили миры товарных лейблов и рекламы, игр и развлечений, виртуального самовыражения и коммуникации.

Теснейшую связь с такой сакрализацией обыденного имеет разворачивающийся на протяжении ряда последних десятилетий генезис нетрадиционной религиозности, многие течения которой пытаются в своих рамках интегрировать новые, сложившиеся под влиянием актуальных реалий и представлений о мире, духовные основания, в различные области практической жизнедеятельности людей – медицину, спорт, творчество, природосбережение и т. д. Это обуславливает возможность зарождения под их влиянием новой социокультурной парадигмы, способной обеспечить выработку альтернатив более гармоничного развития человечества в начавшемся тысячелетии.

*Б. А. Дорошин,
кандидат исторических наук*